

УДК 34
DOI 10.36511/2078-5356-2020-2-210-221

Баранов Владимир Михайлович
Vladimir M. Baranov

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, помощник начальника по инновационному развитию научной деятельности

Нижегородская академия МВД России (603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3)

doctor of sciences (law), professor, honored scientist of the Russian Federation, honorary worker of higher professional education of the Russian Federation, assistant to head for innovative research development

Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia (3 Ankudinovskoye shosse, Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950)

E-mail: baranov_prof@bk.ru

**Стратегия, тактика и техника государственной поддержки
посредством правовых преимуществ.**

**Отзыв о диссертации А.Г. Репьева на тему «Преимущества в российском
праве: теория, методология, техника» (Саратов, 2019. 529 с.),
представленной на соискание ученой степени доктора юридических наук
по специальности 12.00.01 — теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве**

**Strategy, tactics and techniques of state support through legal advantages.
Review of Artyom G. Repyev's dissertation on the topic
"Advantages in Russian Law: Theory, Methodology, and Technology"
(Saratov, 2019. 529 p.) Submitted for the degree of doctor of law in specialty
12.00.01 — theory and history of law and state; history of law and state studies**

В современной России продолжают процессы формирования правового и социального государства, зрелого гражданского общества, развития правового сознания, возникновения в этой связи новых общественных отношений, требующих нормативного регулирования. Обозначенная тенденция обусловила появление категорий правоведения, не являющихся традиционными, но в то же время получающих все большую популярность и признание среди форм воздействия на социум и средств правового регулирования.

Для правоведения, как правило, характерны процессы интеграции, совершенствования методологического аппарата, повышения качества технико-юридического инструментария, и потому немало общепринятых в повседневном лексиконе понятий должны занять свое место в категориальных рядах теории государства

и права. Именно в этом разрезе действовал А.Г. Репьев при осуществлении своего диссертационного исследования. Речь в данном случае идет о предпринятой им в целом удачной попытке концептуального изучения такого правового явления, как преимущество.

Данный термин имеет прочную, устоявшуюся основу в экономике (принимая во внимание его этимологию в виде дополнительных выгод и возможностей), тиражируется как элемент совершенствования производственных процессов, изучается через призму знаний о природных объектах, явлениях и процессах.

Однако не только технические и естественные науки составляют движущую силу общественного прогресса, но и гуманитарное знание придает импульс человеческому измерению и смысл развитию социума. В свою очередь правоведение должно анализировать явления

© Баранов В.М., 2020

и феномены сквозь правовую материю, обеспечивать условия, необходимые для реализации права как регулятора отношений между людьми. Автор верно отмечает, что «социальная детерминированность правовых преимуществ обусловлена тем, что любые формы отступления от равенства, как правило, побуждают оживленный интерес общества: и позитивный, и негативный» (с. 54). И в этом ключе соискателю удалось нащупать крайне интересный срез права и законодательства, не исследованный в достаточной мере ни в отраслевых юридических науках, ни в общей теории права.

Правовое преимущество является комплексным межотраслевым институтом, занимает значительную нишу как в системе международного, так и российского права. Его роль, тем не менее, зачастую воспринимается обтекаемо и со стороны ученого сообщества, и с позиции практиков. Раскрывая юридическую природу правового преимущества, соискателем справедливо отмечается, что оно может нести в себе и позитивный потенциал (например, являясь повышенной правовой гарантией для лиц, выполняющих важные социальные функции) (с. 4), и отрицательный (в случае освобождения лица, совершившего правонарушение, от ответственности, что крайне болезненно воспринимается гражданами, вызывая у них чувство несправедливости) (с. 54, 57). В свете вышеотмеченного и учитывая, что не прекращаются споры по поводу присутствия в праве и законодательстве различного рода отступлений от принципа равенства, инструментов и средств улучшения правового положения отдельных субъектов, актуальность представленной рукописи, значение диссертационной работы для теории права и отраслевых юридических дисциплин только повышается.

За последние годы исследованию данной тематики посвящено относительно небольшое количество общетеоретических трудов. Среди авторов, занимающихся обозначенной проблематикой применительно к исследованию отдельных форм отступления или отклонения от общих правовых предписаний в виде специальных правовых норм, льгот, привилегий, поощрений или исключений, значительное место занимают представители Саратовской (И.Н. Сенякин, А.В. Малько, И.С. Морозова (Барзилова), С.Ю. Суменков и др.) и Нижегородской (И.А. Муравьев, А.С. Налбандян, И.В. Девяшин, Д.А. Пешехонов, К.А. Юдин) школ права. Однако комплексно, всесторонне на уровне монографических работ юридическая катего-

рия «преимущество» представлена впервые. Именно по этим соображениям предложенная к обсуждению диссертация весьма актуальна и своевременна, обладает несомненным интересом как в научно-теоретическом плане, так и в ракурсе юридической практики.

Категория «преимущество» играет немаловажную роль в развитии целого ряда естественных и гуманитарных наук, содействует концентрации внимания исследователей на важнейших моментах процесса эволюции сложных систем права и государства. Обнаружение нового знания в юриспруденции, а равно и в иных науках, возможно во многом благодаря междисциплинарному подходу, нахождению проблемных зон на стыке различных областей науки. В этом плане диссертанту хватило «научной смелости», и он может, без сомнения, поставить себе в заслугу вполне удачную попытку внедрения категории «преимущество», давно приобретшей устойчивый смысл в экономике, маркетинге, рекламе, в понятийные ряды общей теории права.

Тему работы можно признать инновационной еще и потому, что до настоящего момента правоведение исходило из противоречивого, подчас двусмысленного восприятия таких форм улучшения правового положения физического и юридического лица, как льготы и привилегии. Такие законодательные институты, как преимущественное право, правовой приоритет, особая правовая процедура, также ставящие отдельных субъектов в более выгодное положение по отношению к другим, и вовсе исследовались применительно к теории права лишь на уровне отдельных публикаций. Данная же работа, напротив, справедливо и своевременно обращает внимание на потребность построения полноценной теоретико-правовой конструкции правового преимущества, установления системы типов преимуществ, подразделяющихся на виды и подвиды. При этом новаторски звучит сама идея автора о родовом для этой системы понятии «правовое преимущество», о необходимости закрепления в законодательстве его классификационной дефиниции (положения 1, 9, выносимые на защиту, а также с. 267).

Диссертация А.Г. Репьева является оригинальным и самостоятельным исследованием. Автор неординарно рассматривает самые различные аспекты и проблемы правовых преимуществ. Заслугой диссертанта является и то, что им демонстрируется не просто и не только многомерность проявлений преимуществ в за-

конодательстве различного уровня, но и основные причины и условия их возникновения, ряд внутренних и внешних противоречий, изъянов социально-правовой действительности, детерминирующих нарушение равенства в системе нормативных правовых актов и возникновение коррупционных и иных рисков, факторов злоупотребления преимуществами (положения 14, 16, выносимые на защиту, а также с. 5, 7, 16, 46—59).

В теоретическом плане автором дана самобытная трактовка понятийно-категориального аппарата концепции правовых преимуществ, сформулирована система типов преимуществ, даны определения ее ключевым терминам (положения 1, 9, 10—12, выносимые на защиту, а также с. 194, 212).

Тема докторской диссертации А.Г. Репьева представляет интерес в практическом отношении, поскольку позволяет решить вопрос о правовой защищенности слоев населения, наиболее чувствительных к переменам. Соискатель, заостряя внимание на таких образовавшихся «язвах» современного государства, как социальное расслоение, отторжение личности, кризис в ценностных ориентирах населения, вызванный в том числе тотальной материализацией отношений и разрывом духовной скрепы населения (с. 34, 290, 361, 366, 393), не обходит это «минное поле», а предлагает конкретные меры правотворческого, организационного плана по преодолению названных тенденций (с. 44—45, 394). Проблема соотношения правового равенства и отступлений от него, предусмотренных законодательством и юридической практикой, искусно и непротиворечиво решена А.Г. Репьевым через такие признаки правового преимущества, как объективность, естественный характер, сбалансированность интересов, универсальность (с. 186—193).

Действительно, произошедшие в начале 90-х годов прошлого века изменения российского общественного сознания, мировоззрения населения нашего государства, в том числе и юридического, а кроме того, и нынешние радикальные преобразования отечественной государственности, привели к серьезному идеологическому и законодательному пересмотру правовой жизни России. Обществу сейчас требуется новое «прочтение» права, его места и роли в деятельности государства, что, в частности, выражается в признании за отдельными субъектами, с одной стороны, естественных прав человека (на неприкосновенность, достоинство), но с другой — прав на более высоком уровне, с иной градацией (иммунитет от мер

принуждения и наказания, властные prerogative государственных служащих). Однако жизнь показывает и то, что существенное изменение и обновление законодательства страны само по себе не привело к желаемому результату, поскольку в настоящее время возникают немалые проблемы, связанные с реализацией прав и свобод человека и гражданина в форме преимуществ, обеспечением господства законности в обществе, усилением правового нигилизма. Эти, казалось бы, «вечные» направления совершенствования законодательства и правоприменительной практики нашли свое отражение в работе А.Г. Репьева через положения о необходимости: повышения уровня правовой культуры, правового сознания субъектов, наделенных преимуществами, укрепления их нравственных, идеологических установок, формирования сознательного отношения к гражданскому и служебному долгу (положение 7, выносимое на защиту); упрочения социального и государственного контроля за всеми формами отступления от равенства; установления конкретных показателей деятельности для физических и юридических лиц, достижение которых определяет получение преимуществ (положение 14, выносимое на защиту).

Ознакомление с работой позволяет прийти к положительному выводу о наличии новизны в результатах исследования, выполненного диссертантом. Выносимые на защиту основные положения в целом состоятельны, надлежащим образом аргументируются. Научная новизна результатов работы А.Г. Репьева связана и с междисциплинарным подходом, который был использован автором при раскрытии темы. В диссертации применяются разнообразные методы познания в зависимости от исследуемых аспектов системы законодательства, практики и техники его совершенствования.

В качестве объекта диссертационного исследования автор верно выделил совокупность юридически значимых общественных отношений, возникновение, изменение и развитие которых обусловлено существованием и реализацией правовых преимуществ (с. 10). Предметом работы выступают наиболее общие закономерности формирования, дополнения и развития категории «правовое преимущество», ее понятие, конструкция, сущность и содержание, концепции восприятия и эволюции, функциональная характеристика, типология и классификация, соотношение со смежными правовыми категориями, проблемы механизма технико-юридического закрепления (с. 10).

Методологической основой исследования преимуществ в праве послужили: материалистическая диалектика и вытекающие из нее общие принципы познания, системный и структурно-функциональные подходы, посредством которых в увязке с формально-логическим методом и были сформулированы авторские понятия «правовое преимущество», «привилегия», «льгота», «особая правовая процедура», «властная прерогатива», «преимущественное право», «особый правовой порядок», «злоупотребление правовым преимуществом» (с. 16, 22—23, 348—349, 351, 353, 388).

Рецензируемая диссертация выгодно отличается от многих работ по теории государства и права междисциплинарным характером еще и потому, что обладает разносторонней теоретической базой исследования. В качестве последней послужили работы ученых по философии, экономической теории и ряду иных неюридических гуманитарных наук, теории государства и права, конституционному, административному, гражданскому, трудовому и иным отраслям права. Это легло в основу положений соискателя, посвященных вопросам преимуществ отдельных субъектов, детерминированных в законодательстве: как потребности стимулирования и поощрения за выдающиеся заслуги активной части гражданского общества (с. 296—298), так и заботы о социально незащищенных категориях населения (с. 337—338); необходимости общенаучного углубления знания о категориях «интерес», «заслуга», «дозволение» и их роли в системе правовых преимуществ (с. 187—193).

Я давно и, надеюсь, последовательно и убедительно выступаю сторонником стимулирующего, поощрительного воздействия на общественные отношения в противовес укореняющимся мерам правового принуждения. В этой связи, несомненно, мне импонирует тезис соискателя о том, что преимущества обладают «поощрительным началом ввиду возможности предоставления за одобряемый государством и обществом полезный вариант поведения», а самое главное, что «из всего многообразия оснований применения поощрения для правовых преимуществ наиболее характерна заслуга» (с. 17, 47, 57, 66). Разумно, что нивелировать риски реализации преимуществ на основе субъективного усмотрения, коррупциогенные факторы, вызванные попытками произвольно улучшить правовое положение отдельных субъектов, может лишь предельно четко зафиксированная сущностная и содержательная составляющая заслуги относительно каждого вида преимуществ.

С позитивной стороны мной оцениваются выделенные в работе виды дефектов нормативной правовой базы, природа и содержание коллизий, элементы абстрактности и противоречивости текстов нормативных правовых актов, содержащих положения о преимуществах, вызванное этим состояние несогласованности отдельных отраслей законодательства и их системных характеристик.

Отличительной чертой диссертации является то, что она представляет собой итог большой исследовательской работы, плод тщательных творческих изысканий. Насыщенность работы фактическим материалом выражается не только во внимательном изучении природы многочисленных правовых преимуществ, но и в привлечении обширного иллюстративного материала, широкого использования свидетельств СМИ. Только усиливают положительное впечатление приводимые соискателем статистические и социологические данные.

Ценность диссертации придает удачное соединение общетеоретических построений с прикладными рекомендациями. Вектор авторских предложений имеет ярко выраженную ориентацию на перспективу, стратегию развития института правовых преимуществ.

Структурное построение исследования оправдано. Работа состоит из введения, пяти глав, включающих в себя девятнадцать параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы, а также приложения.

Во введении удачно обосновываются актуальность, научная новизна, теоретическая и практическая значимость темы, избранной для диссертационного исследования, раскрываются цель, задачи, методология исследования.

Первая глава «Теоретико-методологические и исторические основания исследования категории "преимущество"», состоящая из пяти параграфов, посвящена обстоятельному рассмотрению общенаучных подходов, методологических оснований анализа преимуществ в праве, детерминантов их появления в обществе (с. 29—59). Весьма подробно и полно исследованы исторические закономерности эволюции института преимуществ в правовых нормах, средства их визуализации, а также критически соотнесены политико-правовые, философские взгляды ученых на подобные отступления от равенства (с. 59—95).

Вторая глава «Функциональная роль преимуществ в общей теории прав человека» состоит из трех параграфов. В этой части работы раскрываются вопросы собственно функцио-

нально-целевой характеристики правовых преимуществ, соотношения преимуществ с основополагающими правами человека и гражданина. Специальному исследованию подвергается проблема сопоставления основополагающих, фундаментальных прав личности и ценностей правового государства: достоинство, неприкосновенность — с преимуществами, выявляются аспекты их единства, различия, взаимодействия и существующих противоречий применительно к наличию в законодательстве иммунитетов, льгот, привилегий и особых правовых процедур (с. 138—140, 143).

Автором убедительно доказывается включение правовых преимуществ в качестве обязательного элемента в структуру специального правового статуса (с. 153). В эпоху социальных преобразований, реформирования общества, когда «человеческий фактор» выходит на первый план, проблема субъекта правоотношений, складывающихся в связи с получением правовых преимуществ, приобретает общесоциальную значимость. Сегодня Россия находится именно в такой ситуации переходного периода, переживает эпоху кардинальных изменений. В связи с поправками в Основной закон меняется социально-правовое устройство, политическая система, само отношение к праву, к правовым ценностям, правовое сознание граждан. Если в исторической ретроспективе во главу угла ставились политические, партийные цели и задачи, а человек рассматривался в качестве средства их достижения, то в настоящее время российская юридическая наука, а также законодатель начинают признавать высшую социально-правовую ценность человека. В этой связи заслуживают пристального внимания положения и выводы диссертанта об упущениях законодательства в части социальной и правовой защищенности (в первую очередь, через потенциал правовых преимуществ) отдельных категорий сотрудников органов внутренних дел, в особенности применительно к современным условиям постоянного возрастания нагрузочных показателей, дефицита профессионального кадрового ядра (с. 167—169).

Ключевое значение для исследования имеет третья глава «Правовые преимущества в российском законодательстве: понятие, содержание, виды и технико-юридическая конструкция», подразделенная на четыре параграфа, в которой исследуются понятие, признаки правовых преимуществ, соотношение их со смежными категориями, проводится типология и классификация, предлагается авторский вариант меха-

низма установления правовых преимуществ в нормах законодательства и определения их пределов, а также анализируются закономерности и недостатки технико-юридического закрепления преимуществ в современном российском законодательстве. В первом параграфе данной главы диссертации предлагается авторская модель соотношения правовых преимуществ и исключений ввиду бытующего в науке убеждения о схожести их юридической природы, аналогичной роли в правовом регулировании (с. 178—184). Исследуя сущностные и содержательные аспекты преимуществ, следует согласиться с такими их чертами, установленными А.Г. Репьевым, как поощрительный характер, регулятивное свойство, естественно-правовая природа и в то же время волевая сущность, акцессорный характер преимуществ по отношению к общей, исходной правовой норме (с. 187—191). Далее в третьем параграфе автором убедительно раскрываются основные направления повышения эффективности правового воздействия через систему преимуществ при помощи совершенствования юридической техники (с. 262—265). Заслуживает поддержки одна из ключевых авторских новелл, выразившаяся в предложении механизма установления и определения пределов правовых преимуществ, включающего перечень конструктивных элементов: объемы предоставления дополнительных благ, их форма и содержание, цели, четкие критерии допустимости субъективного усмотрения по закреплению властных прерогатив, квот, субсидий (с. 247—249).

Глава четвертая «Система типов правовых преимуществ» включает в себя четыре параграфа, в которых аргументированно представлены типы, виды и подвиды правовых преимуществ в российском законодательстве. Диссертант в первом параграфе уточняет понятие, характерные признаки правового иммунитета, проводит соотношение его с институтами личной неприкосновенности (с. 272—273), юридической ответственности (с. 274—277), уделяет немало внимания и проблеме смешения категории «иммунитет» с категориями «льгота», «привилегия» (с. 278—280). Интересен взгляд автора на категорию «привилегия», анализ юридической природы которой позволил убедительно пересмотреть ее отрицательное восприятие значительной частью правоведов (с. 284—287). С глубокой опорой на доктрину, законодательство и правоприменительную практику соискатель во втором параграфе данной главы дефинирует понятие привилегии, выделяет ее

сущностные признаки, обосновывает классификацию на: преференцию, субсидию, грант, квоту и властную прерогативу (с. 303). Последняя при этом представлена в качестве новой правовой категории, ранее не исследованной юридической наукой на самостоятельном уровне (с. 310—311). Включение автором диссертации льготы в качестве одного из основополагающих типов правовых преимуществ также выглядит аргументированным и оправданным. Самый распространенный на современном этапе способ улучшения правового положения через льготирование, то есть путем создания правового режима послабления, компенсации затраченных (отсутствующих) благ или возможностей, рассмотрен автором по-новому, в разрезе современных тенденций социальной политики государства. Понимание льготы через оказание помощи, отстаиваемое автором, видится достоверным, имеющим прочную нормативную и правоприменительную основы (с. 320). Определение понятия льготы, предложенное А.Г. Репьевым, аргументированная классификация на компенсацию и пособие (и деление последнего на субвенцию и дотацию) выглядят достаточно убедительными (с. 330).

Инновационно, фундаментально подойдя к выбранной теме, диссертант разрабатывает авторский методологический подход, оригинальный категориальный аппарат, стремится использовать сочетание всех методов научного исследования, наиболее четко и уместно это проявляется при анализе им самого малоизученного типа преимуществ — «особой правовой процедуры» (с. 338—354). Значимым здесь выступает разграничение юридических конструкций «правовое преимущество» и «преимущественное право» (в том числе приоритетное, первоочередное, внеочередное), а также «исключительное право» (с. 340—349). А.Г. Репьев верно уловил сущностную черту особой правовой процедуры, которая проявляется в установлении ею определенной последовательности действий лица по получению прав, отличных от общеустановленных. В результате особая правовая процедура обеспечивает не сами эти права, а условия и способы их получения, осуществления, то есть право как благо, его объемы не отличаются от других субъектов, но порядок получения иной, более выгодный (с. 343—344).

Пятая глава диссертации «Преимущества в ракурсе современных тенденций законодательства и правоприменительной практики» состоит из трех параграфов. В этой части работы рассматриваются проблемы закрепления

и реализации правовых преимуществ в контексте цифровизации законодательства России (с. 355—368). Соискатель не обошел вниманием роль правовых преимуществ в реализации правоохранительной деятельности государства и профилактике противоправного поведения субъектов общественных отношений, что обогатило практико-ориентированную составляющую исследования (с. 368—374). Сложившаяся внутри правоохранительной системы ситуация вызывает необходимость некоторого пересмотра содержания юридического статуса сотрудника органов внутренних дел, поскольку изменяются функции полиции, расширяется (а где-то, напротив, сужается) ее компетенция. Соответственно требуется более тщательная, с учетом изменившихся условий, правовая регламентация специального статуса сотрудника органов внутренних дел и, разумеется, обеспечение его правовыми преимуществами для беспрепятственной, объективной, непредвзятой реализации должностных обязанностей. Последний параграф диссертации освещает изъяны современного общества применительно к злоупотреблению преимуществами и нарушению равенства прав и свобод (с. 374—394).

В заключении автор работы формулирует выводы, рекомендации и предложения, намечает дальнейшие перспективы анализа данной тематики.

Материалы диссертационного исследования нашли отражение в 100 публикациях автора, в том числе в 7 монографиях, 43 статьях, изданных в ведущих рецензируемых журналах, входящих в перечень Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Диссертация А.Г. Репьева является научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований содержатся теоретические положения, которые можно квалифицировать как решение крупной научной проблемы, важной задачи повышения эффективности деятельности органов государственной власти и местного самоуправления в сфере формирования и совершенствования непротиворечивой системы правовых преимуществ, обеспечивающих надлежащий уровень гарантий защиты и поддержки специальных субъектов общественных отношений.

Важным положительным и весомым результатом диссертации является то обстоятельство, что, показывая соотношение правовых преимуществ и фундаментальных прав человека, автор попутно, но очень весомо обеспечил рас-

ширение знаний о трактовке таких традиционных юридических категорий, как «достоинство личности», «неприкосновенность личности», «равенство» (положение 5, выносимое на защиту, а также с. 26, 87—88, 129—140, 379). Через взаимосвязь правовых преимуществ с конструкцией специального правового статуса, и в особенности двумя ключевыми его элементами — ограничением и запретом, диссертанту удалось по новому очертить их организующую роль, обнаружить ранее неизвестные грани их функционирования в реальном правотворческом и правореализационном процессе (через такие разновидности, как пределы, лимиты, изъятия, приостановления), уточнить их дефиниции (с. 154—161).

Диссертация стимулирует направления будущих исследований, открывает перспективы научной интеграции. Характерно, что А.Г. Репьев в своей работе не претендует на бесспорность выдвигаемых гипотез, безапелляционность предлагаемых решений, а рассматривает альтернативные варианты, четко формулирует вопросы, ответы на которые им не найдены, что в целом свидетельствует о его научной зрелости, высокой культуре научной полемики. Такой подход очерчивает новые горизонты темы, облегчает продолжение коллективного научного поиска.

Квалификационными признаками диссертации соискателя являются существенная новизна в постановке и решении научной проблемы, высокая научная ценность и межотраслевой уровень полученных результатов исследования.

Положительно оценивая представленное к защите диссертационное исследование, следует в то же время отметить, что работа А.Г. Репьева содержит ряд спорных или малообоснованных положений, отдельные недостатки, которые могут стать поводом для научной дискуссии.

1. Среди положений, выносимых на защиту, с позиции критического осмысления предпринятой автором попытки применить относительно своего исследования прочно укоренившиеся методологические основы и теоретические конструкции, обращает на себя внимание положение 13. Каждый ученый, а особенно специалист в области теории права и государства, разрабатывая категориальный аппарат юридической науки, непременно касается функциональной проблематики. Отсюда, как правило, возникают сложности, во-первых, нахождения и выработки новых, оригинальных положений, а во-вторых, вкрапления их в уже существующие доктрины. В этой связи предлагаемая А.Г. Репьевым си-

стема функций правовых преимуществ вызывает немало нареканий. Ряд функций, выделяемых автором, фактически совпадают по смыслу и содержанию, что свидетельствует о сомнительности их выделения в качестве самостоятельных. Например, по тексту работы сложно провести грань между социальной функцией и функцией социального контроля (с. 24, 127) или между идеологической и воспитательной функциями (с. 121, 126). Станным является игнорирование в положениях, выносимых на защиту, выделяемых ранее по тексту работы (с. 109) таких функций правовых преимуществ, как стимулирование, охрана, поощрение.

2. Поддерживая в целом комплиментарную оценку предпринятой автором попытки соотнести категории «правовое преимущество» и «исключение» (с. 178—184), все же полагаем, что целесообразно было предложить авторскую дефиницию юридического исключения. В таком случае выделенные аспекты соотношения и доказанная парная взаимосвязь категорий носили бы более фундаментальный характер. Кроме того, восприятие соискателем такого феномена, как исключения в праве только в ракурсе приема юридической техники (с. 185) обедняет не только его работу, но и фундаментальные исследования его коллег, посвященные данной проблематике. Мы убеждены, что недопустимо отрицать важную роль исключений как средства правового регулирования, хотя и используемого в большинстве случаев в технико-юридическом ключе в ходе создания правоприменительных, интерпретационных, договорных актов [1].

3. Через все диссертационное исследование проходит тезис автора о необходимости закрепления четких критериев предоставления правовых преимуществ, устранение двусмысленных законодательных формулировок, неопределенности в закреплении перечня лиц, имеющих право на преимущество (положение 1, выносимое на защиту, а также с. 43, 55, 247).

Для следования обозначенным направлениям соискателем сформулированы отправные принципы установления пределов правовых преимуществ: вариативность, сбалансированность, пропорциональность, компромиссность (положение 7, выносимое на защиту). Тем не менее обоснование, аргументация их содержательной стороны выглядит спорной (с. 246—247). Неясно: почему для снижения рисков коррупционной составляющей, нивелирования отрицательного потенциала преимуществ в виде дискриминации и злоупотребления диссертант предлагает руководствоваться такими

оценочными требованиями, как компромиссность или сбалансированность, Почему укрепление определенности преимуществ в нормах законодательства должно быть реализовано через сформулированный А.Г. Репьевым вариативный подход? На мой взгляд, такой подход позволяет «размывать» объективную основу критериев установления и реализации юридических преимуществ.

4. Считая значимым и, что самое главное, перспективным результатом диссертации (хотя ее автор, видимо, в силу научной скромности в автореферате своей работы этот аспект рельефно не представляет) нащупанную соискателем тесную взаимосвязь юридической конструкции «правовое преимущество» с закономерностями построения языковой речи в целом и юридической — в частности (с. 250—256), видим в этом аспекте и некоторые упущения. Конкретнее данный раздел рукописи о взаимосвязи логико-языковых средств представляется оборванным, незавершенным. Остановившись на словообразовании указанной конструкции, особенностях современного законодательного ее употребления, обусловленных синонимией, омонимией, автор упускает, на наш взгляд, главную черту этого словосочетания — метафоричность. По большому счету, все в конструкции «правовое преимущество» указывает на такую ее особенность: во-первых, она выведена соискателем в сугубо прагматических целях для понимания сложной системы средств и способов улучшения правового положения субъектов; во-вторых, со ссылкой на собственные социологические исследования данная конструкция в качестве логико-языкового феномена усилиями А.Г. Репьева обеспечивает образность и наглядность; в-третьих, своей темой автор добился «высвечивания» новых свойств таких, казалось бы, устоявшихся правовых категорий, как «льгота» и «привилегия». Данную цепочку можно продолжить. Однако чего не хватило соискателю, так это обоснования выбранных языковых элементов для выдвигания своего, без сомнения, инновационного правового феномена. Действительно, подметив уникальность словосочетания «правовое преимущество», А.Г. Репьев (теперь уже в ходе публичной защиты), может быть, попытается аргументировать: что им на качественном уровне правовой абстракции предложена новая правовая категория, а не в погоне за оригинальностью культивирована банальная языковая метафора.

5. Итогом рассмотрения соискателем закономерностей технико-юридического закрепле-

ния преимуществ в современном российском законодательстве в числе иных стал вывод о необходимости установления правовых преимуществ только нормами федерального законодательства, включая все компоненты предложенной А.Г. Репьевым конструкции: объект, характер, ограничения и пр. (с. 264—265).

Полагаю: для того чтобы признавать нормативный правовой акт федерального значения (речь, видимо, идет о федеральном законе) в качестве базовой формы права для воплощения правовых преимуществ, этому должен был предшествовать блок, посвященный в целом вариантам имплементации преимуществ в текст юридического документа. Автор обходит стороной и такой важный момент, связанный с необходимостью различать источники права, как факторы, порождающие право, и формы права как внешнее выражение норм.

В этой связи им упускается из виду гипотетически возможная правотворческая функция органов судебной власти по установлению в своих решениях правовых преимуществ за определенными субъектами. Этот аспект, связанный с признанием (или непризнанием) за судом роли творца права, хотя и дискуссионен, но, вероятно, должен был быть отражен в рукописи с изложением ясной позиции самого А.Г. Репьева о приверженности одной из сторон. Лишь на с. 182 им мимоходом указывается, что «правовые преимущества как форма дополнения и, если можно так выразиться, “усиления” основных прав человека на свободу, личную неприкосновенность, достоинство, собственность либо изъятия из обязанностей не могут устанавливаться решениями судебных органов». Проблемы, связанные с природой преимуществ, объективированных через судебный прецедент, возможность их появления за счет актов толкования права остались вне поля зрения автора.

6. Рефреном звучит справедливая концентрированность внимания автора на соотношении смежных с «преимуществом» категорий правоведения — «дозволение», «исключение». В то же время в диссертации не затронута связь преимущества с такими близкими ему по сущности современными юридическими категориями и явлениями, как «автономия», «экстерриториальность права». Представляется, что в условиях нынешнего экономического развития России, реформирования и модернизации социальной, финансовых сфер государства данный аспект достаточно актуален, и, что самое главное, не исследовался учеными.

7. Диссертант удачно демонстрирует многообразие правовых преимуществ (иммунитеты, привилегии, льготы, особые правовые процедуры). Именно на указанных типах правовых преимуществ в дальнейшем фокусируется авторское внимание. Существенным недостатком в предложенной системе правовых преимуществ является отсутствие гарантий. В настоящее время в законодательстве о государственной службе данная разновидность правовых преимуществ получила весьма широкое распространение (ст. 52—53 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79 «О государственной гражданской службе Российской Федерации», ст. 42—46 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 114 «О службе в таможенных органах Российской Федерации», гл. 9 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342 «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»).

О том, что гарантии — подвид (элемент) правовых преимуществ, свидетельствуют международные договоры. Так, статья 14 Соглашения о создании и деятельности международного бюро по расследованию авиационных происшествий и серьезных инцидентов (применяется для Российской Федерации с 22 октября 2019 года) называется «Социальные гарантии, привилегии и иммунитеты» и ее пункт 2 гласит: «На территории каждой из Сторон Председатель Бюро и сотрудники Бюро пользуются социальными гарантиями, привилегиями и иммунитетами, которые необходимы для осуществления ими возложенных на них полномочий и должностных (служебных) обязанностей» (Бюллетень международных договоров. 2020. № 2. С. 14).

Совершенно очевидно, что гарантии международное право рассматривает не просто в одном ряду, а ставит на первое место среди иных типичных юридических преимуществ.

8. В числе мер по совершенствованию процесса технико-юридического определения преимуществ в законодательстве А.Г. Репьев называет «отказ от многократных отсылок правоприменителя к текстам различных нормативных положений» и «сведение к минимуму использования отдельных технико-юридических средств, способов, приемов: оценочных понятий, неисчерпывающих перечней, исключений, оговорок, примечаний, дополнений» (с. 21).

Перед нами чрезмерно радикальное и потому невыполнимое предложение — оно сводит на нет положительные свойства вышеназванных технико-юридических средств, принижает

их практическую значимость. Доктринальный акцент должен быть сделан на другом — не отказываться (это невозможно) от метода законодательных отсылок, не сводить к минимуму применение оценочных понятий, перечней, оговорок, примечаний, а установить с учетом принципа правотворческой экономии необходимо-разумное адекватно-содержательное использование их при государственной регламентации преимуществ.

9. Существенная лексическая ошибка диссертанта в том, что он на с. 19 диссертации утверждает: «В определенном ракурсе умаление может выступать как абсолютный антипод преимуществу». К тому же автор почему-то полагает, что понятие «умаление» является архаизмом (с. 30 автореферата диссертации). Нельзя забывать, что антонимы, если они верно определены и раскрыты, помогают вскрытию природы изучаемого феномена. Я пришел к выводу, что понятие «умаление» не является антиподом и не выступает антонимом по отношению к понятию «преимущество».

Чтобы понять, являются ли слова «преимущество» и «умаление» антонимами, следует проанализировать лексические значения этих слов, заглянув в словари.

В одном из самых популярных толковых словарей слово «умаление» имеет словарную статью: «Умалить... Сделать или представить менее значительным, чем есть на самом деле, преуменьшить. У. значение чего-н. У. вину» [2].

Не менее авторитетный академический словарь трактует «умаление» так: «Умаление... Действие по знач. глаг. Умалить — умалять; Действие и состояние по знач. глаг. Умалиться — умаляться. Человеческий образ всегда был у него в умалении, но мало-помалу он и вовсе утратил его. Салтыков-Щедрин, Мелочи жизни. Не об ослаблении и умалении контроля идет речь, — речь идет как раз об его усилении. Киров, Статьи и речи, 1934» [3].

Определение этому слову находим и у Д.Н. Ушакова: «Умаление... Действие по глаг. Умалить — умалять и состояние по глаг. Умалиться — умаляться. У. доходов. У. Достоинства» [4].

Примечательно, что в Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой и в Толковом словаре русского языка под ред. Д.Н. Ушакова интересующее нас слово имеет пометку «книж.», означающую отнесение лексической единицы к литературно-книжным словам.

В Словаре русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой слово «преимущество» имеет

следующие значения: «Преимущество... 1. Качество, свойство, выгодно отличающее кого-, что-л. от кого-, чего-л. 2. Исключительное право, привилегия» [5].

В Толковом словаре русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова (1935—1940) содержится следующая словарная статья: «Преимущество... 1. Превосходство, качество, возвышающее кого-, что-н., дающее кому-н. перевес над другими. Преобладание, превосходство, присущее чему-н. в сравнении с чем-н. другим. 2. Исключительное право, привилегия (право)» [4].

Таким образом, видим, что значения слов разные, словарные статьи не содержат перекликающихся оттенков лексических значений этих слов.

Кроме того, Словарь антонимов также не разделяет их противоположными значениями. Слово «преимущество» имеет 3 антонима: «недостаток», «минус», «изъян» [6].

Что касается отнесения слова «умаление» к архаизмам, то это в корне неверно. Архаизмами (от греч. *archaios* — древний) называются устаревшие для определенной эпохи, вышедшие из употребления языковые элементы (слова, выражения, аффиксы), замененные другими (очи, уста, ланиты, тороватый, дабы, сей, зело и др.) [7]. Лексическая же единица «умаление» в употребляемом здесь значении является общепотребительной.

10. Считаю возможным упрекнуть диссертанта в уходе от обсуждения некоторых принципиальных проблем исследуемой темы, избрании «фигуры умолчания» тогда, когда «доктринальная пушка» должна «стрелять».

Третий параграф пятой главы диссертации посвящен анализу злоупотреблений правовыми преимуществами (с. 374—394). Ни в этом фрагменте работы, ни в других ее главах не исследован один весьма опасный вид властного злоупотребления преимуществом. Речь идет о ситуациях, когда законодательство предоставляет определенным категориям граждан то или иное преимущество, но реально в силу разных субъективных и объективных причин люди не могут им воспользоваться. Такого рода популистско-демагогические «государственные подарки» вполне можно квалифицировать как псевдопреимущества, как квазипреимущества, как лжепреимущества. Такие проблемы существовали в советское время, не исчезли они и ныне. Напомню в качестве примера, что по законодательству СССР в соответствии с постановлением ВЦИК и СК РСФСР от 28 февраля 1930 года «О праве пользования дополнительной жилой площадью» (СУ РСФСР. 1934. № 14, ст. 181)

даже аспиранты при вузах имели право сверхустановленной общей нормы жилой площади на отдельную комнату, а при ее отсутствии — не менее 20 кв. метров дополнительной площади. Перечень льготников был огромен и, конечно, государство было не в состоянии выполнить принятое обязательство.

В этой связи диссертанту было бы целесообразно среди принципов правовых преимуществ назвать их финансово-материальную обеспеченность. На мой взгляд, этот аспект правовых преимуществ раскрыт не очень глубоко и не вполне доказательно, хотя не исключаю, что это находится за пределами специальности 12.00.01. Однако как раз в данном случае можно было разумно использовать так часто декларируемый междисциплинарный подход, осуществить технико-юридическую конвергенцию гуманитарных, естественных наук и практик. В этом же ряду стоит проблема неодинакового (что резко нарушает равенство прав граждан) отношения государственной власти к материальному «сопровождению» высших почетных званий — народные и заслуженные артисты России получают приличное ежемесячное денежное вознаграждение, а заслуженные деятели науки России, заслуженные юристы России (и все приравненные к ним) не получают ничего. Означает ли такое отношение власти и законодателя, что формально одноуровневые почетные звания фактически не равноценны?

Не только коррупционный правотворческий лоббизм, но и допустимые методы лоббирования — неисследованное, но достаточно сильное и совсем не единичное средство создания (легализации) самых разных необоснованных преимуществ. Особая социальная опасность этой деятельности очевидна, и меры противодействия ей должны вырабатываться системно с учетом, как правило, высокого статуса и хорошей профессиональной подготовки лоббистов.

11. В работе раскрыты многие технико-юридические дефекты оформления правовых преимуществ в нормативных правовых актах, которые вызывают в итоге немало проблем правоприменительного характера. Однако, к сожалению, далеко не все из них были имплементированы в практико-прикладную плоскость. Комплексное многоплановое исследование правовых преимуществ с позиции юридической техники поистине открывает необозримые возможности для демонстрации единства правовой теории и практики, и где, как не в докторской диссертации, реализовать этот компонент. Мною неоднократно обращалось внимание, что

на уровне подобного рода исследований диссертант не должен обходить потенциал доктринального правообразования и правотворчества. Не просто о низкой практической отдаче, досадном тактическом, организационно-управленческом промахе, а о значительной юридической пагубности следует вести речь тогда, когда стратегическая цель правовых исследований в виде приемлемого законотворческого результата стала пропадать из исследований наших ученых без объяснения причин. Неудачные попытки отдельных авторов предлагать многочисленные поправки в законодательство не означают недопустимости и невозможности качественной многоотраслевой унификации и стандартизации правового пространства. Исследование А.Г. Репьева несомненно бы выиграло, предложи он и соответствующим образом аргументируй идею законопроекта, в котором могла быть представлена система теоретических суждений, практических рекомендаций, направленных на унификацию законодательства о преимуществах, содержательную и глубокую проработку дефинитивного аппарата типов, видов и подвидов правовых преимуществ. Эту острейшую и имеющую непосредственное отношение к теме его диссертации проблему автор упустил, хотя потенциально предложенный бы им законопроект (или даже кодекс) мог бы стать мощным, «цементирующим» целевым ориентиром для законотворчества и правореализации, способствовал бы значительному облегчению процесса устранения большинства содержательных и технико-юридических дефектов системы правовых преимуществ в российском законодательстве.

И самое последнее. В стенах родного для меня вуза разрешите прибегнуть к новой форме «проверки» диссертанта — попросить его практически применить результаты своей монографической работы и выступить перед членами диссертационного совета в качестве независимого эксперта по трем конкретным правовым сюжетам.

Первый сюжет. Любопытное, но не бесспорное преимущество установлено частью 1¹ статьи 88 Федерального закона РФ от 18 марта 2020 года № 53 «О внесении изменений в Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации"», которая гласит: «Для обучения в специализированном структурном образовательном подразделении заграничного учреждения Министерства иностранных дел Российской Федерации по основным общеобразовательным программам наряду с лицами, указанными

в части первой настоящей статьи, могут приниматься на бесплатной основе иные лица по решению руководителя заграничного учреждения Министерства иностранных дел Российской Федерации, согласованному с центральным аппаратом Министерства иностранных дел Российской Федерации. Гражданам Российской Федерации предоставляется преимущественное право при приеме на обучение по указанным общеобразовательным программам» (Российская газета. 2020. 20 марта). В этом акте, на мой взгляд, отсутствует какая-либо заслуга, нет иного конкретного основания преимущества. Гражданство само по себе (без надлежащей подготовки абитуриента) не может быть основанием предоставления столь значимого преимущества.

Согласен ли диссертант с моей оценкой, и какими аргументами он может дополнить либо опровергнуть ее?

Второй сюжет. Известно, что в конце 2019 года был принят закон, дающий младшим братьям и сестрам преимущественное право при поступлении в школу, где учатся старшие дети семьи. Появилось немало коллизийных моментов — что делать, если родители развелись и дети живут в разных местах, как быть со специализированными школами, если у детей разные способности и склонности? Какие, по мнению диссертанта, имеются дефекты у этого преимущественного права?

Третий сюжет. В современном российском праве, по мнению некоторых специалистов, акцент смещается с защиты прав меньшинств к фактической передаче им дополнительных привилегий [8]. Вопрос диссертанту — каким образом можно посредством юридических преимуществ обеспечить разумный баланс в уравнивании меньшинства в правах с большинством.

Отмеченные пожелания и замечания не умаляют научную ценность, теоретическую и практическую значимость диссертационной работы, не снижают общий высокий уровень проведенного исследования, результаты которого способствуют развитию теоретического правового знания, расширяют проблемное поле правоведения в целом, развивают теорию и практику отраслевых юридических дисциплин, стимулируют междисциплинарный дискурс по вопросам системы юридических средств воздействия на социум. Содержание автореферата соответствует основным положениям диссертации.

Диссертация Репьева Артема Григорьевича «Преимущества в российском праве: теория,

методология, техника» является единолично выполненным, самостоятельным, законченным научным исследованием, научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение, имеющее важное политическое и культурное значение. Диссертация соответствует требованиям, предъявляемым пунктами 9—11, 13—14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842, к диссертациям на соискание ученой степени доктора наук, а ее автор Репьев Артем Григорьевич заслуживает присуждения ему ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.01 — теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.

Примечания

1. Баранов В.М. Правовые исключения: теория, практика, техника // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 1 (37). С. 145—157.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка (75 тыс. слов). М., 1992.
3. Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
4. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова: в 4 т. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.» ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1935—1940.
5. Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
6. URL: <https://sinonim.org/> (дата обращения: 01.04.2020).
7. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. 2-е изд. М.: Просвещение, 1976.
8. Сосов М.Н. Защита меньшинств: уравнение в правах или предоставление привилегий? // Теория государства и права. 2020. № 1 (17). С. 183—188.

References

1. Baranov V.M. Legal exceptions: theory, practice, technology. *Jurisprudence and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, no. 1 (37), pp. 145—157. (In Russ.)
2. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language (75 thousand words). Moscow, 1992. (In Russ.)
3. Dictionary of the Russian language: in 4 vol. / RAS, Institute of Linguistics. research; under the editorship of A.P. Evgenieva. 4th ed. Moscow: Rus. language; Printing Resources Publ., 1999. (In Russ.)
4. Explanatory dictionary of the Russian language / ed. D.N. Ushakova: in 4 tons. Moscow: State. Institute of "Sov. encyclical."; OGIZ; Gos. Publishing House of Foreign and nat. words Publ., 1935—1940. (In Russ.)
5. Dictionary of the Russian language: in 4 vol. / RAS, Institute of Linguistics. research; under the editorship of A.P. Evgenieva. 4th ed. Moscow: Rus. language; Printing Resources Publ., 1999. (In Russ.)
6. URL: <https://sinonim.org/> (accessed 01.04.2020). (In Russ.)
7. Rosenthal D.E., Telenkova M.A. Dictionary of linguistic terms. 2nd ed. Moscow: Education Publ., 1976. (In Russ.)
8. Sosov M.N. Minority Protection: Equal Rights or Privilege? *Theory of State and Law*, 2020, no. 1 (17), pp. 183—188. (In Russ.)